

## ТВОРЧЕСТВО В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА В СОВРЕМЕННЫХ КРИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А. С. Конюхова

*Воронежский государственный университет*

Поступила в редакцию 5 ноября 2017 г.

**Аннотация:** целью данной статьи является рассмотрение биографических, критических и литературоведческих работ, посвященных творчеству мало известного русского православного писателя В. А. Никифорова-Волгина. Источником исследования послужили как работы современных автору писателей и публицистов, так и новейшие литературоведческие работы. Исследование творчества В. А. Никифорова-Волгина ведется по нескольким направлениям: сюжетология, типология героев, жанровое и стилевое своеобразие.

**Ключевые слова:** В. А. Никифоров-Волгин, биография, критика, научные исследования, сюжет, типология героев, жанр.

**Abstract:** the aim of this article is the consideration of biographical, critical and literary articles devoted to the works of little-known Russian Orthodox writer V. A. Nikiforov-Volgin. The source of the investigation were the works of contemporary writers and publicists as well as latest literary works. The investigation of Nikiforov-Volgin's works is carried on several directions: plot theory, typology of the characters, genre and style originality.

**Keywords:** the biography, criticism, scientific investigation, plot, typology of the characters, genre.

Творчество В. А. Никифорова-Волгина (1900—1941) — особая «страница» в литературе русского зарубежья, и его проза только открывается современному исследователю и читателю. Ещё в раннем детстве писатель покинул Родину и почти всю жизнь прожил в Прибалтике, в Эстонии. Первая публикация вышла в таллиннской газете «Последние известия» 10 сентября 1921 года и принесла начинающему писателю успех у читателей и критиков. На протяжении многих лет В. А. Никифоров-Волгин сотрудничал с журналом «Нарвский листок». В 1935 году парижский журнал «Иллюстрированная Россия» присудил писателю первую премию за рассказ «Архиерей». С 1936 года автор переехал из Нарвы в Таллинн, вступил в просветительское общество «Витязь», много печатался в рижской периодике — газете «Сегодня» и журнале «Для Вас», выпустил несколько самостоятельных сборников («Земля Именинница» и «Дорожный посох»). В 1941 году В. А. Никифоров-Волгин был арестован по приказу советских властей. Его обвинили в издании антисоветской литературы и расстреляли 14 декабря 1941 года в Кирове (Вятка).

Жизнь писателя пришлась на переломную эпоху: Первая мировая война, предреволюционные годы, русская революция 1917 года, Гражданская война — все эти драматические изломы в судьбе страны нашли самое непосредственное отражение в его творчестве. Произведения В. А. Никифорова-Волгина, начиная со второй половины 1920-х гг. и вплоть до

последних произведений, пронизаны раздумьями о будущем России, о тех глобальных исторических переменах, современником и свидетелем которых он стал. Именно поэтому его рассказы и повести интересны современным читателям, размышляющим о событиях столетней давности и оценивающим их роль в судьбе России.

Книги В. А. Никифорова-Волгина еще при его жизни привлекли внимание современников. Игорь Северянин, с 1918 по 1941 год живший в эмиграции в Эстонии, в 1934 году выпустил сборник «Медальоны», в который вошли 100 сонетов — характеристик известных поэтов, писателей и композиторов. Поэт посвятил В. А. Никифорову один из сонетов, в котором точно расставил основные акценты творчества, вписал его в традицию русской классики и современной литературы [1, 223]:

Ему мила мерцающая даль  
Эпохи Пушкина и дней Лескова...  
Он чувствует Шмелева мастерского,  
И сроден духу родниковый Даль.

Соотнесение произведений В. Никифорова-Волгина с творчеством А. С. Пушкина и Н. С. Лескова обусловлено близостью тем данных авторов. Они обращаются к описанию дворянского и помещичьего быта. Для всех рассказов и повестей писателя будет характерна тоска по уходящей России, России XIX века с ее несчастливым бытом, цветистым говором и христианской осмысленностью бытия. Отсылка к В. И. Далю также представляется нам не случайной. Многие критики будут обращать особое внимание на умение В. Никифорова подобрать нужное слово, наиболее

точно передающее то или иное явление и впечатление. Язык его произведений своими корнями уходит в традиции народной речи, описанные В. И. Далем.

И. Северянин чутко улавливает и основную тему всего творчества В. Никифорова, акцентирует внимание на особенностях тематики и стиля книги писателя:

Деревни ль созерцает, города ль,  
В нем нет невыносимо городского:  
Он всюду сын природы. В нем морского  
Мороза хруст, что хрупко, как миндаль.  
В весенний сад, что от дождя заплакан,  
Выходит прогуляться старый дьякон...

Поэт в процитированных отрывках проводит параллель между книгами В. Никифорова и И. Шмелева. Как и у И. С. Шмелева, вся жизнь человека в рассказах В. А. Никифорова-Волгина вписана в круг православных праздников и обрядов. Все происходящее в мировой истории автор рассматривает как Промысел Божий о судьбе родной страны и всего человечества. Заметим, что сам И. Шмелев, которому В. А. Никифоров-Волгин однажды прислал свою книгу, отозвался в своей переписке с О. А. БредиусСубботиной довольно критично о молодом авторе: «"Влияние" доходит до прямого подражания. Но что ты хочешь?! И мне отвратно читать, будто меня корежат, пародируют. Думаю — без умысла...» [2]. Подобное мнение, к счастью, единично.

Отзывы современников о творчестве В. А. Никифорова-Волгина положительны. Одним из первых молодого автора заметил Александр Амфитеатров, известный публицист, автор романов «Восьмидесятники» (1907 г.), «Закат старого века» (1910 г.), «Дрогнувшая ночь» (1914 г.). С 1921 по 1922 год он жил в Праге и сотрудничал с рижской газетой «Сегодня», в которой публиковались рассказы В. А. Никифорова-Волгина. В 1937 году в варшавской газете «Меч» вышла статья А. Амфитеатрова «Тоска по Богу», посвященная анализу прозы В. Никифорова. Автор подчеркивает: несмотря на то, что автор только начинает издаваться, талант его несомненен. Критик отмечает, что не хочет анализировать стиль произведений В. Никифорова. С его точки зрения, гораздо важнее рассмотреть «моральный центр тяжести этой (имеется в виду сборник В. Никифорова-Волгина «Земля Именинница», вышедший в 1937 году в Таллинне) книги» [3, 483]. Автор статьи считает, что «весь интерес писателя обращён на духовную нужду народа... Рассказы В. Никифорова-Волгина похожи на «духовные стихи» слепых старцев: рапсодии о людях, как будто маленьких, но своею могучею верою подъемлемых над смятенным и отчаянным человечеством выше всех великих и сильных» [3, 484]. Это очень важное замечание, поскольку в нем подчеркнута индивидуальность творчества В. Никифорова, а также его тесная связь с фольклорной традицией и традицией авторов XIX века. Публицист проводит параллель между рассказами писателя и поэмой Н. Некрасова

«Кому на Руси жить хорошо», в которую входит сказание о Кудеяре-атамане. Именно данным произведением можно объяснить интерес В. Никифорова к теме покаявшегося разбойника, которая позже породит новый тип героя — красноармеецпокаянец.

Современные писателю авторы часто останавливались на описании ужасов, творимых большевиками над служителями православной церкви. Показывая сходство рассказов писателя с творчеством И. С. Шмелева, А. Амфитеатров отмечает различия этих двух авторов. В. А. Никифоров не избегает подобных страшных страниц русской истории, но ему удается сочетать их с «лучом» надежды, проглядывающим через описываемую тьму беззаконий. Этот луч и есть «тоска по Богу», которая может пробудиться в душе самого закоренелого грешника.

А. Амфитеатров, завершая свою статью, называет книгу В. Никифорова «возвышенной поэмой русской тоски по Богу и упования к Нему возвращения» [3, 489]. Таким образом, данная работа публициста положила начало рассмотрению творчества В. А. Никифорова-Волгина как уникального явления в русской литературе, органично вписанного в канву литературного процесса как XIX, так и XX века.

Это не совсем научная статья, но именно в ней впервые полно отмечаются основные черты творчества В. Никифорова: ориентация на православную нравственность и мораль, умение в самых трудных и страшных обстоятельствах увидеть перст Божий, введение нового героя, созвучного времени, — красноармейцапокаянца.

Александр Стрижев, составитель сборника «Заутреня святителей» и один из немногих биографов В. Никифорова-Волгина, в предисловии к изданной книге метафорично подтверждает мысль А. Амфитеатрова: «Кусками огненной магмы, выхваченной из горнила суровой действительности, светились читателю эти рассказы, раскрывающие суть скорбного бытия русских людей под большевиками» [4, 8]. Во многом эта заметка биографического характера, хотя А. Стрижев и уделяет внимание воздействию произведений В. Никифорова на читателей-современников:

«Книги Никифорова-Волгина буквально потрясли русских изгнанников своей правдивостью и смелостью» [4, 8].

Александр Перфильев, публицист, литературный критик и поэт (сборники «Снежная месса» 1925 г., «Листопад» 1929 г., «Ветер с Севера» 1937 г.), особое внимание в своей заметке «Земля Именинница» (журнал «Для Вас», Рига, 1937 год) уделяет необычайно языку книг В. Никифорова: «Никифоров-Волгин не боится этого деревенского языка. Он его бережет и лелеет. Но — не скупой хозяин — он щедро раздает его всем, кто может оценить и понять всю красоту и звучность этого языка, и потому по всей книге как драгоценные камни разбросаны чудесные, полно-

весные, звонкие русские слова» [5, 476]. Автор подчеркивает, что это не механическое употребление просторечных, диалектных и церковнославянских выражений, а органичное осмысление мира и действительности на языке понятном и близком автору. Данная работа показывает связь между сюжетами, к которым обращается автор, и лексическими средствами, используемыми для наилучшего воплощения замысла.

Статья Сергея Нарышкина «Певец Бога и земли» (1939 год) посвящена раскрытию произведений В. Никифорова как очень сложного и глубинного явления. Критик отмечает, что данный прозаик сразу полюбился и читателям, и исследователям, заслуженно получил несколько престижных литературных премий. Заметка обращена ко второй книге В. Никифорова — «Дорожный посох». С. Нарышкин подчеркивает, что автор «очень русский, отдавший свое сердце, приклонивший свой слух земле» [6, 471]. Отметим, что подобное замечание является необыкновенно важным и ценным.

В. Никифоров покинул Россию в возрасте десяти лет и снова увидел Родину из окна поезда, везущего его на расстрел, но все творчество данного автора отмечено искренней любовью к Руси Святой, чей образ ему удавалось увидеть и сквозь революционные метели. С. Нарышкин подчеркивает литературную непохожесть писателя. При этом критик отмечает тесную связь автора «с былым, ушедшим, далеким».

Таким образом, все статьи современных В. А. Никифорову-Волгину критиков направлены на рассмотрение сюжетного своеобразия книг автора. Публицисты отмечают яркость образов и неповторимость языка рассказов. Главной ценностью творчества В. Никифорова единодушно признается нравственная устойчивость и крепость веры, которую не могут поколебать никакие события современного автору мира.

Первым из современных исследователей к изучению творчества В. А. Никифорова-Волгина обратился С. Исаков, эстонский литературовед, профессор отделения славянской филологии Тартуского университета. Именно он собрал и издал впервые после реабилитации писателя сборник рассказов «Дорожный посох», который вышел в России в 1992 году. С. Исаков сопроводил данное издание вступительной статьей, где после долгого перерыва обращает внимание читателей и исследователей на своеобразие произведений В. Никифорова, на необычайно светлый взгляд на мир. Как основную черту творчества данного автора, С. Исаков выделяет незлобие. Ужасы послереволюционных гонений не заставили В. Никифорова ожесточиться. Ненависть полностью отсутствует в его произведениях. Обусловлено это, по мнению критика, христианским мировоззрением автора, которому он остается верен до конца: «Ему свойствен добрый всепрощающий взгляд на жизнь и на людей,

конечно, идущий от христианского мироощущения, с детства усвоенного писателем. В. Никифоров-Волгин и его герои совершенно чужды нетерпимости, они исполнены любви к ближним, готовности простить им их прегрешения» [7, 6].

Николай Пересторонин, публицист и поэт, автор сборников «Следы на снегу» (стихи, 1981), «Старый двор» (стихи и проза, 1988), «Снегопады двадцатого века» (стихи, 1993), «Серебряный берег» (1997), лауреат премии Правительства России в области печатных СМИ, лауреат всероссийской литературной премии имени Святого благоверного князя Александра Невского, продолжает линию А. Перфильева. В заметке «Чтобы помнили», опубликованной в газете «Вятский край» в 2006 году, он подробно останавливается на индивидуально-авторской манере В. А. Никифорова-Волгина: «Но (он) литературный отшельник, ни на кого не похожий. Ручная узорная работа, ровное дыхание мастера, незаемное, выверенное слово — это все о Василии Акимовиче. И колоритная образность, плотная художественная ткань, ненавязчивая, совершенно естественная тональность изображения событий — тоже о Никифорове-Волгине» [8]. Эта статья отличается яркой эмоциональной окраской и публицистичностью. Главная задача Н. Пересторонина — обратить внимание на незаслуженно вычеркнутого из литературы писателя.

Итак, можно констатировать, что на данный момент наблюдается возрождение интереса к творчеству Никифорова-Волгина. Но, к сожалению, статей, посвященных научному исследованию феномена творчества писателя, пока еще немного. По преимуществу это работы сопоставительного характера, где исследователи помещают писателя в современный ему литературный контекст православной прозы.

В качестве примера можно назвать диссертацию О. Лапко «Художественное воплощение наставничества в русской прозе 1920—1930-х годов», защищенную в 2009 году в Москве. Объектом исследования становится русская художественная проза 1920—1930-х годов (повесть Б. Л. Пастернака «Детство Люверс», роман Л. И. Добычина «Город Эн», сборники рассказов В. А. Никифорова-Волгина «Земля именинница» и «Дорожный посох», рассказы Н. А. Тэффи, А. Т. Аверченко). Особое внимание исследователь уделяет произведениям «неклассической прозы», «знаковым для своего времени, но еще не прочитанным с достаточным вниманием (повесть Б. Л. Пастернака «Детство Люверс», роман Л. И. Добычина «Город Эн»). Не исследовано творчество В. А. Никифорова-Волгина, отразившего в своих произведениях православное мироощущение русского человека. Как и для Б. К. Зайцева, И. С. Шмелева, тоже навсегда» [9]. О. Лапко предлагает новую классификацию наставников: 1) универсальный Логос, язык, Слово, Имя (повесть Б. Л. Пастернака «Детство Люверс», первоначально названная «Три имени», «Земля именинница» и «До-

рожный посох» В. А. Никифорова-Волгина); 2) отец и мать как воплощение мужского и женского начал бытия (повесть Б. Л. Пастернака «Детство Люверс», роман Л. И. Добычина «Город Эн»), нравственного ориентира героя («Земля именинница» и «Дорожный посох» В. А. Никифорова-Волгина); 3) святые, ангелы-хранители героев, олицетворенные в земных наставниках или являющиеся героям в видениях и снах («Земля Именинница», «Дорожный посох» В. А. Никифорова-Волгина); 4) священники, лица монашеского звания, служители церкви, старцы («Земля Именинница» и «Дорожный посох» В. А. Никифорова-Волгина) 5) память о родной природе, образах родного дома, об искусстве России в прозе русского зарубежья (рассказы В. А. Никифорова-Волгина, А. Т. Аверченко, Н. А. Тэффи); воспоминания о погибших, перешедших в мир иной людях или об «утраченном рае» детства. Обосновывая взаимосвязь феномена наставничества с мотивами движения, странничества, пути, исследовательница обращается к рассмотрению сборника рассказов «Земля Именинница» и повести В. А. Никифорова-Волгина «Дорожный посох», главный герой которой — священник — странник, вынужденный оставить свой дом и отправиться на проповедь. О. Лапко приходит к выводу: «В прозе В. А. Никифорова-Волгина наставничество неотъемлемо от образа-символа Пути, земного и небесного странствия и преображения человеческой души» [9].

В 2010 году И. А. Казанцева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX—XIX веков Тверского государственного университета, публикует статью «Отражение сакрального пространства в произведениях В. А. Никифорова-Волгина и В. Н. Крупина». В первую очередь, данная работа интересна сопоставлением В. Никифорова не с писателями XIX или XX веков, а с современным автором. Показывается не только преемственность прошлого опыта, но и продолжение заложенной данным писателем традиции изображения сакрального пространства. Как отмечает исследователь, двух авторов объединяет Вятский край, где в 1941 году родился В. Крупин и в этом же году был расстрелян В. Никифоров. Также общей для писателей является теоцентрическая картина мира. Главной задачей статьи И. А. Казанцева определяет выявление «художественных приемов, способствующих освоению сакрального и сакрализации профанного пространства» [10, 107]. Основными признаками сакрального пространства признается его «иерархичность и ориентированность на вертикальную доминанту» [10, 107]. Данное пространство актуализируется у обоих авторов через детские религиозные переживания. Автор статьи, подчеркивая общие черты, выделяет и индивидуально-авторские, замечая, что подобное различие связано со «спецификой задач», определяемых временем. Для сопоставления И. А. Казанцева выбирает рассказы, содержащие в себе сюжетную

опору на определенные церковные образы героев: герой-святитель, герой-юродивый, герой-ребенок. Для каждого типа исследователь приводит свои особенности создания сакрального пространства. Например, анализируя рассказы с героями-юродивыми, В. И. Казанцева отмечает, что «Сакральное пространство у В. А. Никифорова-Волгина воссоздается через аллюзии и реминисценции из житийных источников, у В. Крупина — прежде всего через актуализацию жанра» [10, 109]. Автор отмечает древнерусские истоки в творчестве обоих писателей. Подводя итог, В. И. Казанцева отмечает, что именно аллюзии, реминисценции и цитаты осваивают сакральное пространство, «а профанное сакрализуется введением образов святых и топоса в сочетании с актуализацией фольклора на уровне жанра и стиля» [10, 110]. Исследователь еще раз подчеркивает, что «специфика инварианта реализма В. Никифорова-Волгина порождена атмосферой намоленной земли» [10, 110].

В 2013 году в сборнике «Духовная традиция в русской литературе» вышла статья Н. П. Видмарович «Образ пасхального пространства в рассказах В. А. Никифорова-Волгина и А. Солженицына: к проблеме трансформации». Исследовательница сосредотачивается на рассказе В. Никифорова-Волгина «Солнце играет», показывает преображение пространства через звучащие слова Нагорной проповеди Спасителя. Н. Видмарович подчеркивает, что Солженицын «выступает продолжателем (Никифорова-Волгина), так как у Солженицына показаны уже плоды деятельности вдохновителей всеобщего переустройства мира, названных в Нагорной проповеди «лжепророками»» [11, 331]. Исследовательница отмечает и разницу в способах преображения пространства: у Никифорова-Волгина «теснимое апостасией пространство... поглощает ее саму, преображает животворящим крестом душу Ростовцева, богохульно перевоплощающегося в Самого Христа, и в этом явлено чудо; у Солженицына чудо совершается в том, что утесненное и долженствующее исчезнуть пасхальное пространство не исчезает, но трансформируется, переходя на лица молящихся, участников крестного хода» [11, 333]. Таким образом, Н. Видмарович делает акцент на общности столь разных художников, как В. Никифоров-Волгин и А. Солженицын. Она показывает, что оба автора отразили один и тот же процесс трансформации пасхального пространства через слова Евангелия и молитв, но на разных стадиях: в самом начале, когда мир «еще противится злу», и в завершении «процесса обезличивания и обезбоживания человека» [11, 335].

В 2015 году в Вестнике МГЛУ Выпуск 5 (716) выходит статья Е. А. Осьминой «Тексты церковных песнопений в циклах «Детство», «Из воспоминаний детства» В. А. Никифорова-Волгина». Исследовательница выделяет три важнейшие темы, затронутые в творчестве писателя: это «красная Россия (антибольше-

вистский пафос), прошлая Россия (ностальгическая нота) и зарубежная Россия (бытописательство)» [12, 217]. При этом следует отметить, что многие рассказы не ограничиваются лишь одной темой. Для писателя важно показать жизнь во всем ее разнообразии и контрасте, именно поэтому все выделенные темы существуют не автономно, а в тесном сплетении друг с другом. Е. Осьминина указывает, что наиболее часто церковные песнопения встречаются в произведениях, посвященных прошлому России (т.е. ностальгической тематики), хотя их можно обнаружить и в оставшихся двух группах. Исследователь особое внимание уделяет циклам «Детство» и «Из воспоминаний детства». Автор статьи систематизирует все упоминания о тех или иных церковных службах и песнопениях, сопровождающих их. Е. Осьминина приходит к выводу, что употребление церковных песнопений, с одной стороны, несет просветительскую функцию. В. Никифоров — детский писатель. Его произведения предназначены для семейного чтения, таким образом, подобный вывод исследователя закономерен. Также Е. Осьминина подчеркивает и эстетическую функцию церковных песнопений. Она, подобно публицистам XX века, восхищается лексикой рассказов В. Никифорова, проводит аллюзии с поэтами как XIX, так и XX века: «"яблоком и медом" («Гой ты, Русь, моя родная» С. А. Есенина), «громокипящий» («Весенняя гроза» Ф. И. Тютчева, название сборника И. Северянина)» [12, 225]. Исследователь в качестве индивидуально-авторской особенности творчества выделяет внимание писателя к звуку: «Мало того, Никифоров-Волгин это звучание обозначает, передает, и здесь, в передаче звука, ему нет равных. Бунин среди писателей русской эмиграции славился своим «зрением», Шмелев — «обонянием», Никифорову-Волгину можно отдать пальму первенства в отношении "звука"» [12, 224].

В этом же году выходит книга Валерия Лепехина «Икона в русской словесности XIX—XX веков», одна из глав которой посвящена творчеству В. А. Никифорова-Волгина («Пригвожденная Богородица. Иконы и иконоборцы в произведениях В. А. Никифорова-Волгина»). Исследователь отмечает, что В. Никифоров в своих произведениях отразил три образа Руси: есенинскую Русь уходящую, Русь бунтующую и Русь постреволюционную. Для анализа автор выбирает несколько рассказов В. Никифорова, в которых тема иконопочитания заявлена прямо или косвенно (рассказы «Икона», «Сумерки», «Молитва», повесть «Дорожный посох»). Автор подчеркивает, что описание крестных ходов у В. Никифорова соотносимо с этим же явлением в произведениях «Мельникова-Печерского и Толстого, Горького и Шмелева» [13, 227], похожее изображение красного угла можно встретить в книгах Пушкина, Достоевского, Лескова, антимичность образа Руси — России соотносима с поэзией Серебряного века, стихами И. Северянина, Н. Клюева,

С. Есенина. Отметим, что данные параллели не только с прозаическими произведениями авторов XIX—XX веков, но и с поэтическими, кажутся нам оправданными: многие критики отмечали, что рассказы В. Никифорова подобны стихам в прозе. В. Лепехин подчеркивает, что икона для писателя — это одушевленный предмет, который живет, страдает и сострадает вместе с людьми. Как главный мотив всего творчества В. Никифорова исследователь выделяет «не Второе пришествие и не Страшный Суд», а надежду «на восстановление в человеке образа Божия, иконы Спасительной» [13, 236]. В рассказах об обновлении икон В. Лепехин подчеркивает веру писателя в возможность воскрешения Святой Руси. Завершая главу, автор вновь указывает на родство В. Никифорова и писателей XIX века, а именно Ф. М. Достоевского. По мнению, исследователя, как и Достоевский, В. Никифоров-Волгин «ставит в конце своих раздумий знак вопроса, но это только риторический вопрос, ведь для него очевидно, что иконы не только прошлое, но и будущее Руси» [13, 237].

Таким образом, исследование творчества В. А. Никифорова-Волгина ведется по нескольким направлениям: изучение биографии писателя (А. Стрижев, С. Исаков), публицистические работы (А. Амфитеатров, С. Перфильев) и исследовательские работы (О. Лапко, В. И. Казанцева, Н. П. Видмарович, Е. Осьминина, В. Лепехин). Для биографических работ главной задачей становится максимальная информативность, попытка восстановить множество пробелов, вызванных непростыми обстоятельствами жизни данного автора. Публицистические работы направлены на привлечение внимания к феномену творчества В. Никифорова. Во многом они рассматривают основные сюжеты, образы, мотивы, содержащиеся в книгах. Особый акцент все критики делают на лексическую сторону произведений, отмечая необычную красочность и причудливое смешение церковнославянского и народного русского языков. Авторы научно-исследовательских работ не только подчеркивают соотносимость феномена творчества В. А. Никифорова-Волгина с традицией авторов XIX—XX веков, но и предпринимают попытку рассмотрения творчества автора как уникального явления в литературном процессе XX века.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Северянин Игорь. Лирика / Игорь Северянин. — Л.: Детская литература, 1991. — 223 с.
2. Переписка И. С. Шмелева и О. А. Бредиус-Субботиной [Электронный ресурс]. — [http://az.lib.ru/s/shmelew\\_i\\_s/text\\_0220.shtml](http://az.lib.ru/s/shmelew_i_s/text_0220.shtml)
3. Амфитеатров А. Тоска по Богу / А. Амфитеатров. — М.: Паломник, 2003 — 498 с.
4. Стрижев А. Василий Акимович Никифоров-Волгин. Биографический очерк / Александр Стрижев // Заутреня святителей / В. А. Никифоров-Волгин. — М.: Паломникъ,

2003.— Гл. 1.—С. 3—9.

5. Перфильев А. Земля Именинница / Александр Перфильев // Для Вас [Рига].— 1937.— № 30.— С. 29.

6. Нарышкин С. Певец Бога и земли / С. Нарышкин // Для Вас [Рига].— 1939.— № 14.— С. 14.

7. Исаков С. О В. А. Никифорове-Волгине / Сергей Исаков // Дорожный посох / В. А. Никифоров-Волгин.— М.: Русская книга, 1992.— Введение.— С. 5—8.

8. Пересторонин Н. Чтобы помнили: Серебряная метель Никифорова-Волгина / Николай Пересторонин.— Вятский край, 2006.— Режим доступа: <http://www.vk-smi.ru/2006/jan06/vkjan061203.htm>

9. Лапко О. Художественное воплощение наставничества в русской прозе 1920—1930-х годов: автореф. дис. канд. филолог. наук / О. Лапко.— [http://cheloveknauka.com/hudozhestvennoe-voploschenie-nastavnichestva-v-russkoy-](http://cheloveknauka.com/hudozhestvennoe-voploschenie-nastavnichestva-v-russkoy-proze-1920—1930-h-godov)

[proze-1920—1930-h-godov](http://cheloveknauka.com/hudozhestvennoe-voploschenie-nastavnichestva-v-russkoy-proze-1920—1930-h-godov)

10. Казанцева И. А. Отражение сакрального пространства в произведениях В. А. Никифорова-Волгина и В. Н. Крупина / И. А. Казанцева // Вестник Тюменского государственного университета.— 2011.— № 1 — С. 107—111.

11. Видмарович Н. П. Образ пасхального пространства в рассказах В. Никифорова — Волгина и А. Солженицына: к проблеме трансформации / Н. Видмарович // Духовная традиция в русской литературе.— Ижевск.: Изд-во «Удмуртский университет», 2013.— С. 321—340.

12. Осьминина Е. А. Тексты церковных песнопений в циклах «Детство», «Из воспоминаний детства» В. А. Никифорова-Волгина / Е. А. Осьминина // Вестник МГЛУ.— 2015.— № 5 — С. 216—226.

13. В. Лепехин Икона в русской словесности XIX—XX веков / В. Лепехин.— СЕГЕД.— 2015.— С. 226—237.

*Воронежский государственный университет  
Конюхова А. С., аспирант  
E-mail: asy\_artemenko@mail.ru*

*Voronezh state University  
Konyukhova, A. S., Postgraduate Student  
E-mail: asy\_artemenko@mail.ru*